

Jonathan Crary

24/7

*Late Capitalism  
and the Ends of Sleep*

## ОГЛАВЛЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ . . . . .	. 8
ГЛАВА 1 . . . . .	. 9
ГЛАВА 2 . . . . .	37
ГЛАВА 3 . . . . .	68
ГЛАВА 4 . . . . .	98

*Сюзанне*

Иначе пугало останется от дня,  
Бессвязным хламом станет общий мир.  
*У.Г. Оден*

## Благодарности

**Я** ОСОБЕННО благодарен Себастиану Баджену за поддержку, оказанную им этому проекту, и за ценные замечания в процессе его подготовки.

Чрезвычайно полезной была для меня возможность апробировать отдельные части этой работы в виде лекций. Я хотел бы поблагодарить Хорхе Рибальту, Карлеса Герра и Музей современного искусства Барселоны за предоставление аудитории, в которой я впервые представил некоторые идеи этой книги. Я также благодарен Рону Кларку и участникам программы независимых исследований Музея Уитни за их вдумчивую реакцию на мои семинары. Среди других, кто великодушно предложили организовать выступления, были: Хэл Фостер, Стефан Андриопулос, Брайан Ларкин, Лоренц Энгелл, Бернхард Зигерт, Энн Бонни, Дэвид Леви-Строс и Серж Гильбо, а также студенты факультетов изящных искусств Университета Британской Колумбии.

Спасибо за разностороннюю помощь также Стефани О'Рурк, Сиддхартхе Локананди, Элис Атти, Кенту Джонсу, Молли Несбит, Гарольду Визеру, Чиа-Линг Ли, Джесперу Олссону, Сесилис Гренберг и покойному Льюису Коулу. Я в долгу перед своими сыновьями Крисом и Оуэном за все, чему они меня научили. Я посвящаю эту книгу моей жене Сюзанне.

## Глава 1

Любой, кто жил на западном побережье Северной Америки, наверное, прекрасно знает, что каждый год сотни видов птиц совершают сезонные перелеты на юг и на север на различные расстояния вдоль континентального шельфа. Один из таких видов — белоголовая зонотрихия. Осенью путь этой птахи лежит от Аляски на север Мексики, весной — обратно. В отличие от большинства других птиц эта разновидность воробья обладает крайне необычной способностью обходиться без сна — до семи дней во время перелета. Такое сезонное поведение позволяет ему по ночам лететь и находить дорогу, а днем добывать пищу без перерывов на отдых. За последние пять лет Министерство обороны США потратило немалые деньги на исследование этого феномена. Ученые, финансируемые государством, в различных университетах, особенно в Мэдисоне (штат Висконсин), изучают мозговую активность птиц во время долгих бессонных периодов, надеясь получить знания, применимые к человеку. Они стремятся найти способ дать людям возможность не спать и при этом работать продуктивно и эффективно. Конечная цель — ни много ни мало — создание бессонного солдата; а сам проект по изучению белоголовой зонотрихии — лишь небольшая часть более широких уси-

лий со стороны военных по достижению хотя бы ограниченной власти над человеческим сном. По инициативе подразделения перспективных исследований Пентагона (DARPA)<sup>1</sup> ученые в нескольких лабораториях проводят экспериментальные испытания методов отключения сна, в том числе применяя нейрохимические препараты, генную терапию и транскраниальную магнитную стимуляцию. Ближайшая цель — разработка методов, позволяющих комбатанту не спать в течение хотя бы семи суток, а в более долгосрочной перспективе, возможно, как минимум удвоить этот временной промежуток с сохранением высокого уровня умственной и физической работоспособности. Существующие способы вызвать бессонницу всегда связаны с каким-либо серьезным когнитивным и психологическим ущербом (например, снижением бдительности). Так обстоит дело с амфетаминами, широко использовавшимися в большинстве войн XX века, а в последнее время — с такими препаратами, как провигил. Вызов для научного сообщества состоит в данном случае не в том, чтобы найти способы стимулировать бодрствование, а в том, чтобы сократить саму *потребность* организма во сне.

На протяжении более чем двух десятилетий стратегическая логика военного планирования США направлена на устранение живого человека из многих звеньев аппарата управления, контроля и исполнения. Бесчисленные миллиарды долларов потрачены на разработку роботизированных и других дистанционно управляемых систем обнаружения и уничтожения цели, плачевные результаты чего можно было наблюдать в Пакистане, Афганистане и других странах. Однако, несмотря на экстравагантные заявления о новых парадигмах в области вооружений и постоянные жалобы

---

<sup>1</sup> The Defense Advanced Research Projects Agency (Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США).

военных аналитиков на человека как на аномальное «узкое место» в работе передовых систем, потребность военных в больших человеческих армиях в обозримом будущем не снизится. Исследование бессонницы следует понимать как элемент подготовки к созданию солдат, физические возможности которых будут ближе к функциональности неодушевленных устройств и сетей. В настоящий момент военно-научный комплекс прилагает огромные усилия для разработки форм «расширенного восприятия», усовершенствующих различные виды взаимодействия между человеком и машиной. Одновременно с этим военные финансируют и многие другие области исследований мозга, в том числе разработку лекарства против страха. Могут возникнуть ситуации, когда нельзя будет использовать, например, вооруженные ракетами беспилотники, и для выполнения миссий неопределенной продолжительности понадобятся эскадроны смерти, состоящие из не требующих сна, не знающих страха командос. В рамках этих усилий белоголовые зонотрихии были вырваны из сезонных ритмов природной среды тихоокеанского побережья, чтобы помочь подогнать человеческое тело к машинным стандартам долговечности и эффективности. Как показывает история, инновации, связанные с войной, неизбежно просачиваются в более широкую социальную сферу, и бессонный солдат окажется предшественником бессонного рабочего или потребителя. Препараты, предназначенные для того, чтобы не спать, когда их начнут активно продвигать фармацевтические компании, станут вначале удобным вариантом для некоторых, а в конечном счете необходимостью для многих.

Рынки, работающие в режиме 24/7, и глобальная инфраструктура, СОЗДАННЫЕ для непрерывной работы и потребления, уже существуют некоторое время, но в настоящий момент дело идет к созданию человеческого существа, которое будет гораздо лучше совмещаться с этим ритмом.



В конце 1990-х годов российско-европейский космический консорциум объявил о планах создания и запуска на орбиту спутников, которые должны отражать солнечный свет вниз, на Землю. Эта схема предусматривала вывод на синхронизированные с Солнцем орбиты высотой 1700 километров множества спутников, оснащенных складными параболическими рефлекторами из тонкого, как бумага, материала. После полного их раскрытия (до 200 метров в диаметре) каждый спутник-зеркало способен освещать на Земле территорию площадью в 10 квадратных миль с яркостью, почти в 100 раз превышающей яркость лунного света. Первоначальный импульс развития проекта — необходимость освещения промышленных предприятий по разработке природных ресурсов в отдаленных географических районах с долгими полярными ночами (в Сибири и на западе России) для проведения круглосуточных работ на открытом воздухе. Впоследствии, однако, компания расширила свои планы, включив в них возможность поставки ночного освещения для мегаполисов. Исходя из того, что реализация плана может снизить расход электроэнергии на электрическое освещение, компания рекламировала свои услуги как «дневной свет всю ночь напролет». Противодействие проекту возникло сразу и со многих сторон. Астрономов привели в ужас возможные негативные последствия для большей части наземных наблюдений космоса. Ученые и защитники окружающей среды заявили о пагубных физиологических последствиях как для животных, так и для людей, поскольку отсутствие регулярного чередования ночи и дня нарушит различные метаболические процессы, включая сон. Были также протесты со стороны культурных и гуманитарных групп, утверждавших, что ночное небо — это общее достояние, на доступ к которому имеет право все человечество, и что ночная темнота и звездное небо — одно из базовых прав человека, которое не может аннулировать никакая корпора-

ция. Однако если это действительно право (или привилегия) в каком бы то ни было смысле, то его уже лишена более чем половина населения мира, живущая в городах, постоянно окутанных пеленой смога и яркого освещения. Тем не менее защитники проекта утверждали, что такая технология поможет снизить потребление электроэнергии в ночное время и что потеря ночного неба и его темноты — не такая уж большая плата за сокращение глобального потребления энергии. В любом случае эта в конечном счете оказавшаяся нежизнеспособной затея — лишь одно из проявлений современного воображаемого, для которого состояние постоянного освещения неотделимо от непрерывного потока глобальных обменов. В своем предпринимательском рвении проект гиперболически выражает институциональную нетерпимость ко всему, что создает помехи активно используемому и никогда не прекращающемуся состоянию всеобщей видимости.

Одной из попыток, которые применялись к многочисленным жертвам «внесудебной выдачи» американским властям, а также к другим лицам, помещенным под стражу после событий 11 сентября 2001 года, было лишение сна. Факты, касающиеся одного из задержанных, стали широко известны, но с подобным обращением столкнулись сотни других людей, судьбы которых не так хорошо задокументированы. Мохаммеда аль-Кахтани пытали в соответствии с инструкцией, известной сегодня как «Первый особый план допроса» Пентагона и утвержденной Дональдом Рамсфелдом. Аль-Кахтани почти не давали спать в течение двух месяцев, когда его подвергали допросам, длившимся часто по 20 часов. Его держали в крошечных камерах, где невозможно было лежать, горели яркие лампы и играла громкая музыка. Среди военных разведчиков эти камеры известны как «темные места», хотя одна из локаций, в которые был заключен аль-Кахтани, носила кодовое название «Лагерь “Яркие огни”». Это, конечно, не первый случай, когда американцы или их

марионетки использовали лишение сна. В некотором смысле ошибочно выделять именно его, потому что для Мохаммеда аль-Кахтани и многих других лишение сна было лишь частью более широкой программы избиений, унижений, длительного ограничения возможности двигаться и имитации утопления. Большинство из этих «программ» для заключенных без суда и следствия людей разрабатывались психологами из консультативных групп по поведенческой науке на индивидуальной основе, чтобы использовать обнаруженные ими эмоциональные и физические слабости.

Пытки лишением сна были известны много веков назад, но начало их систематического применения совпадает с появлением электрического освещения и средств продолжительного усиления звука. Они регулярно начали практиковаться сталинской полицией в 1930-х годах. Лишение сна — обычно первый этап того, что мучители из НКВД называли конвейером — организованной последовательностью жестокостей, бесполезного насилия, наносящих человеку непоправимый вред. Через относительно короткий промежуток времени оно вызывает психоз, а через несколько недель приводит к неврологическим нарушениям. В таких экспериментах крысы умирают после двух или трех недель. Бессонница приводит к состоянию крайней беспомощности и уступчивости, при котором невозможно извлечь из жертвы осмысленную информацию — человек признается в чем угодно. Лишение сна — это насильственное отчуждение человеческого «я» с помощью внешней силы, преднамеренное уничтожение человеческой личности.

Соединенные Штаты, конечно, уже давно применяют пытки как напрямую, так и через свои клиентские режимы. Однако примечательна легкость, с которой в период после 11 сентября применение пыток стало предметом общественного обсуждения в качестве всего лишь одной из спорных тем среди множества других. Многочисленные опросы по-

казывают, что большинство американцев одобряют пытки при определенных обстоятельствах. Средства массовой информации последовательно отвергают утверждение о том, что лишение сна — это пытка. Оно классифицируется как психологический метод убеждения, для многих приемлемый наравне с принудительным кормлением заключенных, объявивших голодовку. Как сообщила Джейн Майер в своей книге «Темная сторона», лишение сна цинично оправдывается в документах Пентагона тем фактом, что американские «морские котики» выполняют тренировочные миссии без сна в течение двух дней<sup>2</sup>. Важно отметить, что обращение с так называемыми особо важными заключенными в Гуантанамо и в других местах сочетало в себе открытые пытки с полным контролем над сенсорно-перцептивной сферой. Людей держали в постоянно освещенных камерах без окон, а всякий раз, когда их выводили из камер, им завязывали глаза и затыкали уши, чтобы они не могли узнать время суток и получить какую бы то ни было информацию, указывающую на их местонахождение. Этот режим перцептивной депривации часто распространяется на рутинные ежедневные контакты между заключенными и охранниками, во время которых последние полностью скрыты броней, перчатками и шлемами с зеркальными щитками, так чтобы отсутствовала какая-либо визуальная связь с человеческим лицом или хотя бы дюймом открытой кожи. Данные методы и процедуры вызывают состояние унижительного подчинения. Один из уровней, на котором это происходит, — создание мира, полностью исключающего возможность заботы, защиты или утешения.

Эта конкретная комбинация недавних событий дает удобный угол обзора некоторых из многочисленных последствий нелиберальной глобализации и более длительных процессов западной модернизации. Я не собираюсь придавать данной группе событий какое-либо привилеги-

---

<sup>2</sup> Mayer J. *The Dark Side*. New York: Doubleday, 2008. P. 206.

рованное объяснительное значение; скорее, они позволяют бросить первый взгляд на отдельные парадоксы расширяющегося, постоянно движущегося жизненного мира капитализма XXI века — парадоксы, неотделимые от меняющихся конфигураций сна и бодрствования, света и тьмы, справедливости и страха, а также от разных форм незащищенности и уязвимости. Мне могут возразить, что я выделил исключительные или экстремальные явления, но если это так, то они неотъемлемы от уже ставших нормативными траекториями и условиями в других местах. Одно из этих условий можно охарактеризовать как укладывание человеческой жизни в одну бесконечную длительность, определяемую принципом непрерывности функционирования. Это время, которое никогда не проходит, время, лежащее за пределами стрелок часов.

За пустотой стандартной формулы — «24/7» — скрывается статическая избыточность, отрицающая ее связь с ритмическими и периодическими структурами человеческой жизни и подразумевающая произвольную, негибкую схему недели, оторванную от любого варианта развертывания текущего или совокупного опыта. Скажем, например, «24/365» будет уже значить не то же самое, поскольку эта формула вводит громоздкое предположение о расширенной темпоральности, в которой по факту что-то может измениться, в которой могут произойти непредвиденные события. Как я упоминал вначале, многие учреждения в развитом мире уже несколько десятилетий работают в режиме 24/7. Но лишь недавно формирование, моделирование индивидуальной и социальной идентичности было реорганизовано так, чтобы соответствовать непрерывному функционированию рынков, информационных сетей и других систем. Окружающая среда 24/7 имеет подобие социального мира, но на самом деле это асоциальная модель машинной деятельности и приостановки жизни, не раскрывающая человеческие за-

траты, необходимые для поддержания ее эффективности. Ее следует отличать от того, что Лукач и другие в начале XX века определили как пустое, однородное время модерна, метрическое или календарное время наций, финансов или промышленности, из которого исключены надежды или планы отдельного человека. Новым является полный отказ от притязаний на связь времени с какими-либо долгосрочными проектами или хотя бы фантазиями о «прогнесе» или развитии. Освещенный 24/7 мир без теней — это последний капиталистический мираж постистории, изгнания инаковости, двигателя исторических изменений.

Вселенная 24/7 — это время безразличия, перед лицом которого хрупкая человеческая жизнь становится чем-то все более неадекватным и внутри которого сон не является чем-то необходимым или неизбежным. Что касается труда, то оно делает правдоподобной, даже нормальной, идею работы без пауз, без пределов. Это время равняется на неодушевленное, инертное, нестареющее. Как рекламный призыв оно устанавливает абсолютность доступности и, следовательно, неустойчивость потребностей и их разжигания, а с ними и вечную невозможность их удовлетворения. Отсутствие ограничений на потребление имеет не только временное измерение. Давно миновала та эпоха, когда накапливались в основном вещи. Теперь наши тела и личности ассимилируют постоянно растущий наплыв услуг, изображений, процедур, химикатов, превышая токсичный, а часто и фатальный порог. Долгосрочным выживанием индивида всегда можно пожертвовать, если появляется даже косвенная возможность перерывов, когда он не совершает покупок и не видит рекламу. Сходным образом, режим 24/7, неотделимый от экологической катастрофы, настаивает на постоянных тратах, на бесконечной расточительности, необходимых для его поддержания, и смертоносно нарушает циклы и сезоны, от которых зависит целостность природной среды.

Сон в своей глубокой бесполезности и неизбежной пассивности, с неисчислимыми потерями рабочего времени, обращения и потребления, которые он несет с собой, всегда будет противоречить требованиям вселенной 24/7. Огромная часть нашей жизни, которую мы проводим во сне, свободная от трясины симулированных потребностей, — одно из величайших оскорблений, наносимых человеком ненасытности современного капитализма. Сон — это бескомпромиссное вмешательство в кражу нашего времени капитализмом. Большая часть, казалось бы, фундаментальных потребностей человеческой жизни — голод, жажда, сексуальное желание, а теперь и потребность в дружбе — уже преобразована в товарную или приносящую доход форму. Сон задает собой идею человеческой потребности и промежутка времени, которые нельзя колонизировать и использовать для массового получения прибыли, и поэтому остается несообразной аномалией и местом кризиса в глобальном настоящем. Несмотря на научные исследования в этой области, сон нарушает и запутывает все стратегии по его использованию или изменению. Невероятная, немислимая реальность состоит в том, что из него невозможно извлечь ничего, что имело бы какую-то цену.

Учитывая безмерность того, что поставлено на карту с экономической точки зрения, неудивительно, что сегодня повсюду происходит эрозия сна. В течение XX столетия предпринимались постоянные попытки сократить время сна — сегодня средний взрослый в Северной Америке спит примерно шесть с половиной часов в сутки, в сравнении с восемью часами всего поколение назад, и (как ни трудно в это поверить) с десятью часами в начале XX века. В середине XX века популярная присказка о том, что «треть нашей жизни мы спим», казалась аксиоматической несомненностью — несомненностью, продолжающей утрачивать свою силу. Сон — повсеместное, но невидимое напоминание о так

и не изжитой до конца досовременности, об аграрной вселенной, которая начала исчезать 400 лет назад. Скандальность сна состоит в укорененности в нашей жизни ритмических колебаний солнечного света и тьмы, активности и отдыха, работы и восстановления сил, выкорчеванных или обезвреженных во всем остальном. Конечно, как и все, что считается естественным, сон имеет богатую историю изучения. Он никогда не воспринимался чем-то монолитным или одинаковым, и на протяжении многих веков и тысячелетий он принимал множество разнообразных форм и паттернов. В 1930-е годы Марсель Мосс включил вопросы сна и бодрствования в свое исследование «Техники тела», в котором показал, что многие аспекты, казалось бы, инстинктивного поведения на самом деле приобретаются тысячами разных способов через подражание или обучение. Тем не менее все же можно предположить, что в огромном разнообразии досовременных аграрных обществ представления о сне имели некоторые ключевые общие черты.

К середине XVII века сон утратил стабильное положение, которое он занимал в ставших устаревшими концепциях Аристотеля и мыслителей эпохи Возрождения. В это время обнаружилась несовместимость его природы с новейшими представлениями о производительности и рациональности. Декарт, Юм и Локк — лишь некоторые из философов, которые клеймили сон за его ненужность для работы ума или поиска знаний. Он стал обесцениваться перед лицом привилегий, даваемых сознанию и воле, понятиям полезности, объективности и движимого личными интересами действия. Для Локка сон был прискорбным, пусть и неизбежным нарушением предначертанных Богом для людей приоритетов: быть трудолюбивыми и рациональными. Юм в первом же абзаце «Трактата о человеческой природе» перечисляет сон наряду с лихорадкой и безумием в качестве примеров препятствий, стоящих на пути к познанию. К середине XIX века



асимметричная взаимосвязь между сном и бодрствованием стала концептуализироваться в иерархических моделях, в рамках которых сон понимался как регресс к низшему и более примитивному образу существования, сопряженному с «подавлением» предположительно высшей и более сложной мозговой деятельности. Шопенгауэр — один из немногих мыслителей, которые обернули эту иерархию против самой себя и предположили, что только во сне мы можем обнаружить «истинное ядро» человеческого существования.

Во многих отношениях неопределенный статус сна следует понимать в связи с конкретной динамикой модерна, которая больше не позволяет организовывать реальность бинарным образом. Гомогенизирующая сила капитализма несовместима с какой-либо внутренней структурной дифференциацией: священное — профанное, карнавальное — будничное, природа — культура, машина — организм и т.д. Тем самым любые сохраняющиеся представления о сне как о чем-то естественном становятся неприемлемыми. Конечно, люди будут продолжать спать, и даже огромным мегаполисам по-прежнему будут знакомы ночные промежутки относительного покоя. Тем не менее сегодня сон — это опыт, отрезанный от представлений о необходимости или природе. Теперь он, вслед за многим другим, концептуализируется как изменчивая, но управляемая функция, определяемая только инструментально и физиологически. Недавние исследования показали, что количество людей, которые один или несколько раз за ночь просыпаются, чтобы проверить свои сообщения или данные, растет в геометрической прогрессии. Одна на первый взгляд несущественная, но распространенная фигура речи — это пришедшее из «машинного мира» обозначение спящего режима. Представление об устройстве, находящемся в состоянии готовности, но почти не потребляющем энергии, способствует превращению привычного сна в простое состояние отложенного или огра-

ниченного доступа и обеспечения работоспособности. Оно приходит на смену логике включения/выключения; таким образом, ничто никогда не бывает принципиально «выключено», не существует состояния настоящего покоя.

Сон — это иррациональное и недопустимое утверждение о том, что могут существовать пределы совместимости живых существ с предположительно непреодолимыми силами модернизации. Один из известных трюизмов современной критической мысли гласит: неизменных природных данностей не существует — даже смерти, по мнению тех, кто предсказывает, что скоро все мы будем загружать свой разум в цифровое бессмертие. Верить в наличие каких-либо сущностных черт, которые отличают живые существа от машин, говорят нам маститые критики, — наивный самообман. Разве стал бы кто-нибудь противиться, вопрошают они, если новые лекарства позволили бы ему трудиться на своей работе по 100 часов подряд? Разве более гибкое и менее продолжительное время сна не означало бы больше личной свободы, возможности еще точнее подстраивать свою жизнь к индивидуальным потребностям и желаниям? Разве меньшее количество сна не дает больше шансов «жить полной жизнью»? Могут возразить, что человек так уж устроен, что должен спать по ночам, что наши тела равняются на суточное вращение нашей планеты и что поведение, зависящее от времени года и времени суток, характерно почти для каждого живого существа. На что ответ, вероятно, будет: вредные глупости в духе нью-эйдж или, пуще того, зловещая тоска по хайдеггеровской связи с землей. Что еще важнее, в рамках глобалистской неолиберальной парадигмы, сон — это для неудачников.

В XIX веке, как хорошо показал Ансон Рабинбах в своей работе по физиологии утомления, после самых вопиющих злоупотреблений в части обращения с рабочими, сопровождавших индустриализацию в Европе, руководство предприя-

тий пришло к осознанию того, что было бы выгоднее давать рабочим хотя бы скромное количество времени для отдыха, чтобы они могли стать более эффективными и надежными производителями в долгосрочной перспективе. Но начиная с последних десятилетий XX века и по настоящее время с развалом контролируемых или смягченных форм капитализма в Соединенных Штатах и Европе какая-либо внутренняя потребность в отдыхе и восстановлении сил как компонентах экономического роста и рентабельности пропала. Время для человеческого отдыха и обновления сегодня просто слишком дорого, чтобы быть структурно возможным в рамках современного капитализма. Тереза Бреннан ввела термин «биодерегулирование», чтобы описать резкое несоответствие между функционированием дерегулированных рынков во временном плане и внутренними физическими ограничениями людей, которые должны соответствовать этим требованиям<sup>3</sup>.

Как показали недавние дебаты по вопросам здравоохранения, снижение долгосрочной прибыльности живого труда не создает стимулов, чтобы сделать отдых или здоровье экономическими приоритетами. Ныне почти не осталось сколько-нибудь значительных отрезков человеческого существования (за колоссальным исключением сна), не взятых в оборот в качестве рабочего времени, времени потребления или времени маркетинга. В своем анализе современного капитализма Люк Болтански и Эв Кьяпелло указали на множество сил, которые ценят человека, постоянно вовлеченного, стыкующегося, взаимодействующего, общающегося, реагирующего или обрабатывающего информацию в рамках той или иной телематической среды. В богатых регионах земного шара это произошло, как они отмечают, на фоне стирания большей части границ между личным и профес-

---

<sup>3</sup> Brennan T. *Globalization and Its Terrors: Daily Life in the West*. London: Routledge, 2003. P. 19–22.

сиональным временем, между трудом и потреблением. В их коннективистской парадигме наивысшая ценность придается активности как таковой: «Важно что-либо делать, действовать, меняться, ценится любое движение, в отличие от стабильности, часто расцениваемой как бездействие»<sup>4</sup>. Эта модель деятельности — не какая-либо трансформация более ранней парадигмы трудовой этики, а совершенно новая модель нормативности, требующая для своей реализации темпоральности в режиме 24/7.

Если ненадолго вернуться к упомянутому ранее проекту по запуску огромных орбитальных отражателей солнечного света, которые устранили бы ночную темноту, то в нем есть как будто нечто нелепое, словно бы это низко-технологичный пережиток чисто механических схем Жюль Верна или первых научно-фантастических романов XX века. Фактически первые экспериментальные запуски оказались более или менее провальными: в одном случае отражатели не развернулись должным образом в нужное положение, а в другом — плотная облачность над тестовым городом не позволила убедительно продемонстрировать возможности проекта. Его амбициозная суть может показаться связанной с широким спектром паноптических практик, разработанных за последние 200 лет. Иными словами, он указывает на важное значение, придававшееся освещенности в первоначальной бентамовской модели Паноптикума, которая призвала залить пространство светом для устранения теней и приравнять эффективность контроля к полной прозрачности для наблюдателя. Но вот уже несколько десятилетий новые виды спутников выполняют гораздо более сложные операции по действительному наблюдению и накоплению информации. Модернизированный паноптизм распростра-

---

<sup>4</sup> Boltanski L., Chiapello E. *The New Spirit of Capitalism*. London: Verso Press, 2005. P. 155; Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 283.

нился далеко за пределы длин волн света видимого диапазона на другие части спектра, не говоря уже о разнообразных неоптических сканерах, тепловых и биологических датчиках. Спутниковый проект, возможно, лучше понимать как продолжение более утилитарных практик, начало которым было положено в XIX веке. Вольфганг Шивельбуш в своей истории светотехники показывает, как широкое распространение городских уличных фонарей к 1880-м годам достигло двух взаимосвязанных целей: оно уменьшило давние страхи людей по поводу разнообразных опасностей, связанных с ночной темнотой, и раздвинуло временные рамки, что, следовательно, привело к увеличению прибыльности многих видов экономической деятельности<sup>5</sup>. Освещение ночной темноты было символической демонстрацией того, что апологеты капитализма обещали на протяжении всего XIX века: двойной гарантии безопасности и расширения возможностей для процветания, предположительно улучшавшей структуру социального существования для каждого. В этом смысле триумфальное установление мира 24/7 — реализация этого более раннего проекта, но такая, при которой преимущества и процветание достаются в основном могущественной глобальной элите.

Режим 24/7 неуклонно подрывает различия между днем и ночью, светом и тьмой, деятельностью и отдыхом. Это зона нечувствительности, амнезии, зона того, что подавляет возможность переживания. Перефразируя Мориса Бланшо, это и сама катастрофа, и ее последствия, которые характеризуются пустым небом, где не видно ни звезд, ни знаков, где теряются все точки опоры и ориентация невозможна<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> *Schivelbusch W. Disenchanted Night: The Industrialization of Light in the Nineteenth Century / transl. by A. Davies. Berkeley, CA: University of California Press, 1988.*

<sup>6</sup> *Blanchot M. The Writing of the Disaster / transl. by A. Smock. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1995. P. 48–50.*

Точнее, это что-то вроде чрезвычайного положения, когда среди ночи, как будто бы в ответ на некие чрезвычайные обстоятельства, внезапно включается батарея прожекторов, но так и не выключается, превращаясь в привычное постоянное явление. Планета переосмысливается как площадка для безостановочного трудового процесса или как постоянно открытый торговый центр с бесконечным разнообразием возможностей, вариантов выбора и шансов попробовать что-то новенькое. Бессонница — это состояние, при котором производство, потребление и отбрасывание использованного происходят без пауз, ускоряя утомление жизнью и истощение ресурсов.

Будучи главным оставшимся препятствием (по сути, последним из того, что Маркс называл естественными преградами) на пути к полной реализации капитализма в стиле 24/7, сон не может быть устранен совсем. Но его можно изуродовать и разграбить, и, как показывают открывшие книгу примеры, методы и мотивации для осуществления этой атаки уже наготове. Разрушение сна неотделимо от продолжающегося демонтажа социальных гарантий в других сферах. Подобно тому как всеобщий доступ к чистой питьевой воде подвергся целенаправленному уничтожению во всем мире в результате загрязнения и приватизации с сопутствующей монетизацией бутилированной воды, нетрудно представить аналогичное конструирование дефицита в отношении сна. Все посягательства на него создадут условия бессонницы, при которых сон надо покупать (хотя платить придется за химически измененное состояние, лишь отчасти приближающееся к настоящему сну). Статистика стремительного роста употребления снотворных показывает, что в 2010 году примерно 50 миллионам американцев были прописаны такие средства, как Ambien или Lunesta, и еще много миллионов купили безрецептурные препараты для сна. Но было бы ошибкой видеть в этом улучшение нынеш-

них условий, позволяющее людям спать здоровым сном и просыпаться отдохнувшими. На данный момент даже менее жестко организованный мир вряд ли избавит нас от бессонницы. Она приобретает свое историческое значение и свою специфическую аффективную структуру в зависимости от внешних по отношению к ней коллективных переживаний и ныне неотделима от многих других форм угнетения и социального упадка, имеющих место по всему миру. Как индивидуальное бедствие в нашем настоящем она — продолжение общего состояния безмирности (*worldlessness*).

Философ Эммануэль Левинас — один из нескольких мыслителей, которые пытались постичь значение бессонницы в контексте истории последних десятилетий<sup>7</sup>. Бессонница, утверждает он, — это способ представить себе крайнюю проблематичность индивидуальной ответственности перед лицом катастроф нашей эпохи. Повсеместная очевидность бессмысленного насилия и причиняемых им человеческих страданий — это часть модернизированного мира, в котором мы живем. Это очевидность во всех ее смешанных формах — яркий свет, который должен до основания потрясти любую самоуспокоенность, должен исключить мирную рассредоточенность любого сна. Бессонница соответствует необходимой бдительности, отказу игнорировать ужас и несправедливость, охватившие мир. Это тревожная попытка избежать невнимания к мучениям другого, но также и тревога перед лицом разочаровывающей неэффективности этики бдительности; акт свидетельствования, однообразие которого легко может стать продолжением ночи, катастро-

---

<sup>7</sup> Некоторые из многих его обсуждений бессонницы см. в: *Levinas E. Existence and Existents* / transl. by A. Lingis. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 2001; *Левинас Э. От существования к существующему* // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–64; *Levinas E. Otherwise than Being* / transl. by A. Lingis. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 1998.

фы. Бессонница не является ни чем-то публичным, ни полностью приватным. Для Левинаса она всегда парит между эгоцентризмом и радикальной деперсонализацией; она не исключает заботы о другом, но не помогает создать четкое ощущение пространства для присутствия этого другого. Это то место, где мы сталкиваемся с почти полной невозможностью жить гуманно. Ибо бессонницу следует отличать от беспрестанного бодрствования, которое создавало бы почти невыносимое внимание к страданиям и безграничную ответственность.

Мир 24/7 — это расколдованный мир, с его искоренением тени и тьмы и чередования времен. Это мир, идентичный самому себе, мир с самым поверхностным прошлым и, следовательно, принципиально лишенный призраков. Но однородность этого настоящего — результат фальшивой яркости, претендующей на то, чтобы распространиться повсюду и исключить любую тайну или непознаваемость. Мир 24/7 создает видимость эквивалентности между существующим и непосредственно доступным или готовым к использованию. Призрачное — это в некотором роде вторжение в настоящее или нарушение его чем-то из другого времени, тенями того, что не было стерто модерном, тенями жертв, которые не будут забыты, не свершившимся освобождением. Режим 24/7 может нейтрализовать или поглотить многие неприятные моменты подобного возвращения, потенциально способные подрвать реальность и идентичность настоящего и его видимую самодостаточность. Одно из самых пронизательных размышлений о месте призрачного в освещенном мире без дня и ночи — фильм Андрея Тарковского «Солярис» (1972). Это история о нескольких ученых на космическом корабле, вышедшем на орбиту вокруг далекой загадочной планеты, чтобы наблюдать за происходящими на ней событиями для выявления возможных несоответствий с действующей научной теорией. Для обитателей ярко осве-



щенной, искусственной среды космической станции бессонница — хроническое состояние. В обстановке, несовместимой с отдыхом или уединением, когда каждый из них все время на виду, в овеществленном состоянии, когнитивный контроль ломается. В таких экстремальных условиях человек не только видит галлюцинации, к нему являються призраки, которые в фильме называются гостями. Сенсорная бедность обстановки космической станции и исчезновение суточного цикла ослабляют психологическую хватку индивида над стабильным настоящим, разрешая сновидению как носителю памяти переместиться в жизнь бодрствования. Для Тарковского эта близость призрачного, близость живой силы памяти оказывается тем, что позволяет оставаться человеком в нечеловеческом мире и переносить бессонницу и жизнь на виду. Заняв свое место в узком пространстве культурного эксперимента в Советском Союзе начала 1970-х, «Солярис» показывает, что признать и подтвердить эти призрачные возвращения после их упорного отрицания и подавления — путь к достижению свободы или счастья.

Одно из течений современной политической теории рассматривает жизнь на виду как один из фундаментальных или трансисторических аспектов того, что всегда составляло человеческую личность. Личность не является чем-то автономным или самодостаточным, ее нельзя понять иначе, как в связи с тем, что находится вне ее, в связи с инаковостью, с которой она сталкивается<sup>8</sup>. Только в состоянии уязвимости можно открыться к зависимостям, которыми живет общество. Тем не менее сейчас мы находимся в том историческом моменте, когда само по себе состояние открытости миру оказалось оторвано от его связи с общественными формами, которые предлагали хотя бы условные гарантии или заботу.

---

<sup>8</sup> См., например: *Nancy J.-L. The Inoperative Community*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1991; *Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей, 2009.

Особенно актуально для нас исследование этих проблем в работах Ханны Арендт. На протяжении многих лет она использовала метафоры света и видимости в своих теориях о том, что же необходимо для существования сколько-нибудь содержательной политической жизни. Чтобы личность могла иметь политический вес, необходим баланс, постоянное перемещение между яркой, даже ослепляющей открытостью общественной деятельности и защищенной, укрытой от посторонних глаз сферой домашней или частной жизни, то есть того, что она называет тьмой потаенного и утаиваемого. В другом месте она говорит о «светотени, скудно озаряющей нашу интимную приватную жизнь». Без этого пространства или времени уединения, вдали от «блеска, каким постоянное присутствие других людей заливают публичное пространство», не может быть и речи о возвращении уникального «я», того «я», которое могло бы вносить содержательный вклад в обсуждение общего блага.

Для Арендт личная сфера — нечто отличное от индивидуального стремления к материальному счастью, когда «я» определяется через приобретение, через то, что оно потребляет. В книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» она подробно рассматривает эти две сферы с точки зрения ритмического баланса между истощением и регенерацией: истощением, возникающим в результате труда или активности в мире, и регенерацией, которая регулярно происходит в замкнутой и затененной домашней обстановке. Арендт прекрасно осознавала, что ее модель взаимоподдерживающих отношений между общественным и частным лишь изредка актуализировалась исторически. Но она видела, что самой возможности такого баланса серьезно угрожает рост экономики, в которой «во всяком предмете видят бросовый товар и расходуют, и снова выбрасывают вещи почти сразу по их появлении в мире», что делает невозможным какое-либо совместное признание общих интересов или целей.

В разгар холодной войны 1950-х годов у нее хватило пронизательности сказать: «...к учреждению совершенного общества потребителей путь еще далек. Ибо живи мы действительно в таком обществе потребления, мы бы вообще уже не были обитателями никакого мира, безмирно гонимые процессом, в круговращении которого вещи... появлялись бы и исчезали»<sup>9</sup>. В меньшей степени она осознавала, какое отчуждение вызывают у большинства людей общественная жизнь и сфера работы.

Существует множество всем знакомых, связанных с этим высказываний, например: «...от единого зренья нас, Боже, / Спаси, и от сна Ньютонова тоже!» Уильяма Блейка, «наши самые возвышенные способности погружаются в кошмарный сон» Карлейля, «сон всю жизнь маячит вблизи от наших глаз» Эмерсона и «Спектакль... выражает лишь только желание [общества] спать» Ги Дебора. Несложно было бы подобрать сотни других примеров подобных перевернутых характеристик относящейся к *бодрствованию* части современного социального опыта. Образы общества спящих рождаются у левых и у правых, в высокой культуре и низкой и постоянно присутствуют в кинематографе от «Калигари» до «Матрицы». Общим для этих образов массового сонмambuлизма является предположение об ослабленной или сниженной способности *восприятия* в сочетании с рутинизированным, привычным или напоминающим состояние транса поведением. Обычный постулат традиционной социальной теории говорит о том, что современные люди живут и действуют, по крайней мере время от времени, в состоянии, которое категорически не похоже на сон, — состоянии самосознания, когда человек способен оценивать события и информацию в качестве рационального и объективного

---

<sup>9</sup> *Arendt H. The Human Condition. Chicago, IL: University of Chicago, 1958. P. 134; Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 67–68, 172–173.*

участника общественной или гражданской жизни. Любые взгляды, представляющие людей лишенными свободы воли, пассивными автоматами, открытыми для манипуляций или управления поведением, как правило, считаются редуционистскими или безответственными.

В то же время распространенные представления о политическом пробуждении считаются не менее проблематичными, поскольку подразумевают внезапный и иррациональный процесс, похожий на обращение в новую веру. Достаточно вспомнить главный предвыборный лозунг нацистской партии начала 1930-х годов: «Deutschland Erwache!» («Германия, проснись!»). Исторически более отдаленный пример — послание апостола Павла к римлянам: «...зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна... отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим. 13:11–12). Или более свежий и предсказуемый призыв противников Чаушеску в 1989 году: «Проснись, румын, от мертвенного сна, в который тебя погрузили тираны». Политические и религиозные пробуждения обычно формулируются в терминах восприятия как вновь обретенная способность различать сквозь пелену истинное положение вещей, видеть перевернутый мир под единственно правильным углом зрения или восстановить утраченную истину, которая становится отрицанием того, от чего происходит пробуждение. Пробуждение — это озарение, ломающее убаюкивающий комфорт рутинного существования, восстановление подлинности, противостоящей немой пустоте сна. В этом смысле пробуждение — это форма децизионизма: переживание искупительного момента, который, кажется, нарушает историческое время, когда индивид претерпевает преобразующую его встречу с ранее неизвестным будущим. Но вся категория фигур и метафор становится неуместной перед лицом глобальной системы, которая никогда не спит, как будто для того, чтобы никакое потенциально опасное пробуждение никогда не оказалось

необходимым или актуальным. Если что-то и сохранилось от иконографии рассвета и восхода солнца, так это то, что Ницше определил как сформулированное Сократом требование «навсегда... дневного света разума»<sup>10</sup>. Но со времен Ницше произошло крупномасштабное и необратимое перемещение человеческого «разума» в круглосуточное действие информационных сетей и бесконечную передачу света по волоконно-оптическим линиям связи.

Как ни парадоксально, сон — это фигура субъективности, на которую власть может воздействовать с наименьшим политическим сопротивлением, и в то же время состояние, которое по большому счету не может использоваться или контролироваться извне и уклоняется от выполнения требований глобального общества потребителей. Таким образом, вряд ли нужно говорить, что многие клише в социальном и культурном дискурсе зависят от монолитного или пустого понимания сна. Морис Бланшо, Морис Мерло-Понти и Вальтер Беньямин — лишь некоторые из мыслителей XX века, которые задумывались о глубокой неоднозначности сна и невозможности включить его в какую-либо бинарную схему. Ясно, что сон необходимо понимать в связи с различиями между личным и общественным, между индивидуальным и коллективным, но всегда с учетом их проницаемости и близости. Суть моей аргументации состоит в том, что в контексте нашего собственного настоящего сон может символизировать неустранимость социального и что он может быть аналогичен другим линиям обороны, за которыми общество могло бы встать на свою защиту. Сохранение сна как самого приватного, самого уязвимого состояния, общего для всех, в решающей степени зависит от общества.

<sup>10</sup> Nietzsche F. *Twilight of the Idols* / transl. by R.J. Hollingdale. London: Penguin, 1968. P. 33; Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. М.: Культурная революция, 2009. С. 26.

В «Левиафане» Томаса Гоббса одним из ярких примеров уязвимости человека в естественном состоянии является незащитность отдельного спящего перед лицом многочисленных хищников и других опасностей, грозящих ему ежедневно. Отсюда одна из самых элементарных обязанностей общества — обеспечить безопасность спящего, не только от реальных угроз, но и, что не менее важно, от тревоги о них. Защита спящего, обеспечиваемая обществом, происходит в рамках более широкой перестройки социальных взаимосвязей между безопасностью и сном. В начале XVII века еще сохранялась воображаемая иерархия, в рамках которой сверхчеловеческие качества господина или суверена, чья способность всеведения, по крайней мере символически, не страдала даже во сне, отличались от соматических инстинктов обычного трудового люда. Однако в «Генрихе V» Шекспира и в «Дон Кихоте» Сервантеса можно найти как артикуляцию, так и выхолащивание этой иерархической модели. Для короля Генриха актуально различие не просто между сном и бодрствованием, но между перцептивной бдительностью, поддерживаемой в течение «бессонной и тягостной ночи», и крепким сном и «головой порожней» йомена или крестьянина. Санчо Панса, с другой стороны, делит мир на тех, кто, как он сам, рождены, чтобы спать, и тех, кто, как его хозяин, рождены, чтобы сохранять бдительность. В обоих текстах, даже несмотря на то что обязательства, связанные с высоким рангом, внешне остаются в силе, присутствует параллельное осознание того, что эта патерналистская модель бдительности устарела и сохраняется лишь формально.

Книга Гоббса — важный показатель трансформации как гарантий безопасности, так и потребностей спящего. Новые виды опасностей пришли на смену тому, что грозило Генриху или хозяину Санчо Пансы, и защита от них организуется на договорной основе, больше не связанной с естественным порядком земных и небесных рангов. Великие первые бур-

жуазные республики, подобно воображаемому содружеству Гоббса, были закрытыми в том смысле, что существовали для удовлетворения потребностей имущих классов. Таким образом, безопасность, предлагаемая спящему, состоит не только в физической или телесной безопасности, но и в защите собственности и имущества во время сна. Кроме того, потенциальная угроза мирному сну класса собственников исходит от бедных и неимущих, тогда как люди самого низшего положения, вплоть до «последнего раба», в полной мере включались в число спящих, покой которых должен был оберегать король Генрих. Взаимосвязь между собственностью и правом или привилегией спокойного сна берет начало в XVII веке и остается в силе до сих пор, в городе XXI века. Сегодня общественные места тщательно спланированы для недопущения сна (с автоматически заложенной в это жестокостью), например, зазубренная конструкция скамеек и других приподнятых поверхностей, которые не позволяют человеческому телу прилечь на них. Повсеместное, но игнорируемое обществом явление городской бездомности связано со множеством лишений, но мало какое из них ощущается более остро, чем риски и опасности сна без крыши над головой.

В более широком смысле, однако, договор, который должен был предлагать защиту для каждого, имущего и неимущего, давно разорван. Распространение повсюду условий, которые Арендт определила как отсутствие пространства или времени, подходящих для покоя и восстановления сил, мы обнаруживаем у Кафки. «Замок», «Нора» и другие тексты раз за разом передают ощущение бессонницы и обязательной бдительности, сопровождающее современные формы изоляции и отчуждения. В «Замке» старая модель защиты со стороны суверена переворачивается с ног на голову: здесь беспорядочная бдительность и изнуряющее бодрствование Землемера указывают на его низкое поло-

жение и ничтожность перед лицом дремлющих чиновников замковой бюрократии. «Нора» — история животного существования, сведенного к навязчивой и тревожной погоне за самосохранением, одно из самых мрачных литературных изображений жизни как одиночества, отрезанного от всякой взаимности. Это мрачная перспектива человеческой жизни в отсутствие общины или гражданского общества, находящаяся на максимальном удалении от коллективных форм жизни в тогда еще недавно появившихся кибуцах, которые так привлекали Кафку.

Ужасающая реальность недостатка защиты или безопасности для тех, кто больше всего в ней нуждается, во всем своем кошмаре проявилась во время катастрофы на химическом заводе в Бхопале в Индии в 1984 году. Вскоре после полуночи 1 декабря в результате утечки высокотоксичного газа из плохо содержавшегося резервуара для хранения погибли десятки тысяч жителей прилегающих районов, большинство из них — во сне. Еще многие тысячи человек скончались в последующие недели и месяцы, еще большее число понесли необратимый ущерб для здоровья и стали инвалидами. Бхопал остается ярким свидетельством несоответствия между корпоративной глобализацией и возможностью обеспечения безопасности и устойчивого развития человеческих сообществ. В течение десятилетий, прошедших с 1984 года, продолжающееся отрицание компанией Union Carbide какой-либо ответственности и необходимости восстановления справедливости для жертв подтверждает, что катастрофа сама по себе не может быть выдана за несчастный случай и что в контексте корпоративных операций эти жертвы по определению были чем-то незначительным. Конечно, последствия инцидента были бы не менее ужасающими, если бы он случился днем, но тот факт, что это произошло ночью, подчеркивает уникальную уязвимость спящего в мире, из которого исчезли давние социальные гарантии



или где они были серьезно ослаблены. Вокруг проблемы сна объединяется целый ряд фундаментальных предположений относительно сплоченности в социальных отношениях, например в том, что касается взаимосвязи между уязвимостью и доверием, между открытостью миру и заботой. Решающее значение имеет то, что сон, с его оживляющей беззаботностью, с его временным «забвением зла», свободой от страхов, зависит от защиты со стороны других<sup>11</sup>. По мере того как коррозия сна усиливается, становится яснее, почему забота, необходимая спящему, качественно не отличается от защиты, которая требуется при более очевидных и острых формах социальных страданий.

---

<sup>11</sup> *Barthes R. The Neutral / transl. by R.E. Krauss, D. Hollier. New York: Columbia University Press, 2005. P. 37.*